

Нина решила, что макароны-самая простая и быстрая вещь для приготовления. Она достала коробку спагетти, достала банку мясного соуса ("это нормально? Ты ведь не вегетарианка, правда?"), и поставил Патрика перед задачей нарезать немного ремесленного хлеба и сделать солидный салат. В холодильнике были все виды салатов—Салат Ромэн, помидоры, оливки, морковь и так далее. Он сразу же приступил к работе, с впечатляющим мастерством орудуя ножом для разрезания мяса, пока Нина разогревала большую кастрюлю воды и одновременно разогревала соус.

Еда была простой, но сытной, и после нее Нине удалось откопать немного печенья для скромного десерта. Ни один из них не был большим поклонником сладостей, так что это был просто билет.

За ужином они почти не разговаривали. Нина все еще была ошеломлена тем, как быстро их отношения стали физическими; на самом деле, она не могла вспомнить ни одного случая—даже в ее полуденные студенческие годы-когда она спала с мужчиной на первом свидании, особенно на свидании, которое началось во второй половине дня. Теперь весь этот инцидент в парке заставил ее внутренне покраснеть (а может быть, и внешне тоже). Как она могла позволить ему коснуться ее в этом месте так скоро после знакомства? Неужели она действительно так изголодалась по сексу?

Но еще одна вещь заставила ее попридержать язык за их импровизированным ужином. Их внезапная близость заставила всю идею светской беседы казаться нелепой. Нина быстро поняла, что Патрик ненавидит подобные вещи—на самом деле, становилось ясно, что он хотел говорить только о важных вещах, и даже тогда использовал минимальное количество слов, чтобы донести свою точку зрения. Возможно, это было связано с тем, что он был художником, а не каким-то другим типом творческой личности, например писателем. Скорее всего, именно его естественная неприязнь к пустой болтовне и привела его к тому, что он стал художником. Картина может передать так много в одном образе; и теперь Нина видела, что в своих напряженных взглядах на нее он точно так же стремился передать смысл без слов.

В результате она стала нелепо косноязычной, так как гораздо больше привыкла общаться с помощью речи. Последнее, чем она хотела бы быть, - это выглядеть легкомысленной или болтливой, и поэтому она почти ничего не говорила. Патрик, казалось, не возражал против этой тишины; на самом деле, он, казалось, приветствовал ее. Его мягкие, нежные улыбки в ее сторону еще больше убедили ее в его чувствах к ней, чем любое количество слов.

Но по мере того, как трапеза подходила к концу, Нина становилась все более взволнованной. А что он теперь хочет делать? Просто пойти домой? Это был бы ужасно разочаровывающий способ закончить этот невероятный день! Может быть, я смогу заставить его остаться еще немного.

Когда они уносили использованную посуду на кухню, она сказала с притворной небрежностью: "хочешь посмотреть фильм?"

- Да, это было бы здорово, - сказал он.

Нина внутренне вздохнула с огромным облегчением. Ну, он будет у меня еще часа два или около того.

По обоюдному согласию она выбрала старый фильм нуар из 1940-х годов, который у Нины был на DVD. Наблюдая за захватывающим черно-белым фильмом со зловещим музыкальным сопровождением, Нина все более уютно устроилась в объятиях Патрика. Ближе к концу

фильма она сидела у него на коленях, обхватив руками его шею, в то время как он небрежно, но твердо обнимал ее за талию. Время от времени он прижимался головой к ее груди, а однажды спокойно положил руку ей на грудь и слегка сжал.

Нина не знала, как на это реагировать. Ладно, ты уже дважды был со мной—но я надеюсь, что ты не из тех парней, которые думают, что в тот момент, когда ты становишься близок с женщиной, все части ее тела принадлежат тебе, чтобы делать все, что ты пожелаешь. Но этот жест ни к чему не привел, и через несколько секунд Патрик отпустил ее и снова обнял за талию.

Фильм закончился, и Нину снова охватила нервозность—настолько сильная, что она начала заметно дрожать. Она прижала голову Патрика к своей груди, поцеловала его в макушку и застенчиво спросила:

- Да, - просто ответил он.

Нина представила себе только легкое объятие, а затем долгий и спокойный сон—впервые с тех пор, как ее предатель-муж покинул ее, в ее постели оказался мужчина. Эта мысль сама по себе заставила ее задаться вопросом, насколько спокойным будет ее сон, но она решила, что сможет справиться с этим.

Когда они неторопливо вошли в настоящую спальню Нины наверху, Патрик, не теряя времени, сбросил халат и прошелся по большой комнате голым. Нина почти закатила глаза, глядя на него. Но затем она с тревогой заметила, что его член, уже наполовину выпрямленный, дрожал от предвкушения, хотя он даже не смотрел на нее. Ты же не собираешься сказать мне, что хочешь большего действия? С каким ненасытным человеком я связалась?

Она сама не понимала, во что ввязывается.

Искоса взглянув на него, она сказала: "Я полагаю, ты хочешь, чтобы я сняла это."

Он небрежно посмотрел в ее сторону и сказал: "Да, конечно."

Она сняла ночную рубашку и натянула ее через голову. Она должна была признать, что быть обнаженной с Патриком было захватывающе и весело—и она не могла не восхищаться формой его мускулистой спины и изгибом его твердого зада, когда он ходил по комнате, как будто он был ее владельцем. Когда он повернулся к ней лицом, то был почти полностью возбужден.

-А ты не хочешь меня пососать?- спросил он странно спокойным голосом.

-На коленях, наверное?- спросила она.

- Тебе вовсе не обязательно делать это таким образом."

- Все в порядке, - примирительно сказала она. -Я не возражаю."

Она опустила перед ним на колени и тщательно осмотрела его член, держа его двумя пальцами и внимательно изучая во всех направлениях, прежде чем положить первые несколько дюймов в свой рот. Парадоксальная смесь твердости (в стволе) и мягкости (в коже) приводила ее в восторг, и она не преминула нежно погладить его яйца рукой, пока лизала и сосала. Когда Патрик схватил ее за голову обеими руками и попытался заставить взять побольше его органа, она запротестовала с визгом: она была особенно подвержена рвотному позыву в таких ситуациях, и она ясно дала ему понять, что хочет продолжать в своем

собственном темпе. Он смягчился и позволил ей сделать то, что она хотела.

Но через несколько минут он, казалось, начал терять терпение. Вытащив свой член из ее рта, Он приподнял ее и почти бросил на кровать, где она неуклюже упала, раскинув ноги. Видимо, таково было его намерение, и он крепко обхватил ее бедра своими сильными руками, уткнувшись лицом в муфту. Внезапность этого действия застала ее врасплох, и она вскрикнула, когда его рот—и язык, и губы—сомкнулся на ее клиторе. Она уже была немного влажной, но ее соки текли гораздо обильнее под его возбуждением. Она задалась вопросом, не было ли это просто еще одним аспектом прелюдии, но вскоре стало очевидно, что он намеревался довести ее до кульминации без дальнейших церемоний.

И он это сделал. Она не могла припомнить, когда в последний раз кончала так быстро, и когда это случилось, то она вцепилась в простыни обеими руками и издала смущенное ворчание, которое повергло ее в ужас. Он продолжал лизать ее, уже знакомясь с тем, как растянуть ее оргазм на несколько минут кряду. Посмотрев на его качающуюся голову, она откинулась назад и просто наслаждалась ощущением предсмертного оргазма, который, казалось, длился вечно.

Наконец он отпустил ее, скользнул вверх по ее телу и посмотрел на нее сверху вниз со своим невыносимо спокойным выражением лица. Она тяжело дышала, перед глазами все расплывалось, язык вывалился изо рта. Патрик с любопытством посмотрел на нее и дерзко сказал:

-Почему ты высовываешь язык, когда кончаешь?"

Она немного обиделась на это. - Даже не знаю . . . Я просто так делаю! Это тебя не беспокоит?"

"Нет. Мне это даже нравится."

-Ну и молодец же ты."

Это был едва ли не первый раз, когда он пустился в то, что можно было бы назвать легкомысленным подшучиванием, и, несмотря на все свое раздражение от этого вопроса, она почувствовала, что он ей нравится. Он не такой уж бесчеловечный, каким иногда кажется!

Но эти и другие мысли быстро исчезли, когда он вошел в нее.

Сначала он приподнялся на локтях, но через некоторое время опустил на нее, обняв так крепко, что ей стало трудно дышать. Не помогало и то, что он прижимался губами к ее губам в течение, казалось, нескольких минут без перерыва. Она все еще не вполне привыкла к тому, что в ней был мужской член, и Патрик не помогал ей в этом, накачивая ее с возрастающей силой, когда его собственные желания брали верх над ним. Затем внезапно его толчки почти прекратились—а потом и вовсе прекратились.

-Что ты делаешь?- ахнула она.

Он ничего не сказал, но уткнулся лицом в ее шею, лежа на ней всем своим весом, его член твердо вошел в нее, но не двигался. Она была совершенно сбита с толку этим внезапным всплеском активности—но затем, когда эти тихие стоны (не более чем вздохи, на самом деле) вырвались из его горла, она почувствовала, как его излучение льется в нее, как его член пульсирует внутри нее.

И снова он оставался в ней несколько минут, а затем, наконец, скатился с нее.

Тяжело дыша, она сказала: "Это было потрясающе! Раньше со мной никто так не поступал."

Почти ухмыляясь, он сказал: "Рад, что тебе понравилось. Мне это тоже нравится."

-Как ты можешь кончать так много раз? Это уже три для тебя, не так ли?"

- Даже не знаю . . . Я просто могу.- Он, казалось, намеренно насмехался над ней, когда добавил: - А вас это беспокоит?"

Она подавила свой гнев и сказала: "Ну, я немного не практиковалась!"

- Это позор,—сказал он, и это было сказано буквально, а не как насмешка.

Он взял ее на руки и нежно погладил по всему телу—по затылку, спине, бедрам, ягодицам, особенно ягодицам. При этом он покрывал поцелуями ее лицо, шею и плечи. Однажды он поднял ее руки и поцеловал в подмышку, отчего она удивленно вскрикнула.

<http://erolate.com/book/877/19693>